

Сказки братьев Гримм.

Гусятница у колодца

Жила-была старушка престарая, предряхлая; жила она со своим стадом гусей в глуши между горами, и был у нее небольшой домик. Эта глушь была окружена большим лесом, и старуха каждое утро, взяв свою клюку, тащилась в этот лес, там она собирала травку для своих гусей да разные дикорастущие плоды, насколько могла их достать рукою, и все это тащила домой на спине.

Можно было подумать, что тяжелая ноша пригнет ее к земле, а между тем она всегда благополучно доносила ее до дому.

И если ей, бывало, кто-нибудь повстречается, то она ласково поклонится и скажет: «День добрый, землячок; погодка-то сегодня какова! Небось дивишься, что я травку на себе тащу? Что делать, каждый должен себе по силам ношу выбирать».

И несмотря на всю эту приветливость, никто не любил с нею встречаться, и даже нарочно обходили ее, чтобы не сойтись с нею, а когда мимо ее случалось проходить отцу с сынком, отец говаривал сынку: «Берегись старухи – это ведьма».

Однажды утром красивый юноша проходил через тот лес. Ярко светило солнце, птицы пели, прохладный ветерок шелестел в листве; и на сердце у юноши были только радость да довольство. Ему еще никто не попадался навстречу, как вдруг он увидел

старую ведьму, которая стояла, опустившись на колени, и срезала траву серпом. Большой узел травы уже был у нее навязан на спине, да еще рядом стояли две корзинки, полнехоньки дикими грушами и яблоками.

«Да как же это, тетушка, скажи пожалуйста, – спросил у нее юноша, – как же можешь ты все это стащить?» – «Хочешь не хочешь, а тащить должна, господин честной! – отвечала старуха. – Богатым, конечно, это не нужно. А у мужика, знаете ли, есть такое присловье:

Жить хочешь – не зевай,
Знай спину подставляй!

А вот, может быть, вы не захотите ли мне помочь? – добавила старуха, видя, что юноша от нее не отходит. – И спина-то у вас пряменькая, и ножки резвенькие, так вам это и нетрудно будет. К тому же и дом-то отсюда не далеко – за горою на полянке. Вы бы в один прыжок там очутиться могли».

Юноша почувствовал сострадание к старухе. «Хоть отец мой и не мужик, а богатый граф, но я готов снести ваш узел, чтобы показать, что не одни мужики умеют таскать тяжести». – «Попробуйте, – сказала старуха, – очень вы этим меня обяжете. Оно, конечно, придется вам с часочек пути брести, ну, да это для вас сущие пустячки! Кстати уж, и яблоки, и груши захватите с собою».

Молодому графу показалось страшновато, когда он подумал об этом часочке пути, но старуха уже не выпускала его из рук, взвалила ему узел на спину, а корзины повесила ему на руки...

«Видите, совсем не тяжело?» – сказала она. «Нет, очень тяжело! – отвечал граф, и на лице его изобразилось страдание. – Твой узел давит так, как будто в нем камни наложены, а эти яблоки и груши – словно свинцовые... Я еле двигаться могу!»

Он готов был все с себя сбросить, но старуха этого не допустила. «Смотрите-ка, – сказала она насмешливо, – молодой-то господин того снести не может, что я, старая баба, столько раз на себе таскала. Вот на ласковые-то слова вы все горазды, а как дойдет до дела, так все и на попятный... Ну, что же вы

стали? – продолжала она. – Чего вы медлите? Извольте-ка шагать. Узла с вас никто уж теперь не снимет».

Пока он шел по ровному месту, то это еще было сносно; но когда они пришли к горе и должны были подниматься, и камни, словно живые, катились из-под его ног, тогда это уж было свыше сил его. Капли пота выступали у него на лбу и, то горячие, то холодные, катились по его спине.

«Тетушка, – сказал он, – не могу я дальше идти, я должен немного отдохнуть». – «Нет, – отвечала старуха, – когда дойдешь до места, тогда и отдыхай, а теперь изволь идти вперед. Кто знает, на что это вам может пригодиться». – «Старуха! Совести у тебя нет», – сказал граф и хотел сбросить с себя узел, но все усилия его были напрасны: узел так крепко держался на его спине, словно прирос. Как ни вертелся он, как ни крутился, но никак не мог его с себя сбросить.

А старуха-то над ним смеялась и попрыгивала вокруг него на своей клюке. «Не извольте гневаться, любезный господин, – говорила она, – ведь вы вот покраснели в лице, как рак печеный! Извольте-ка нести вашу ношу с терпением; ну, а когда придем домой, так я не поскуплюсь дать вам на чаек». Что оставалось ему делать? Он должен был примириться со своей судьбой и терпеливо тащиться вслед за старухой. Она, по-видимому, становилась все проворнее да проворнее, а его тяжесть становилась все тяжелее.

И вдруг старуха приостановилась, вспрыгнула наверх узла и преспокойно там уселась; и несмотря на то, что она была суха, как хворостина, а оказалась тяжелее всякой толстой деревенской девки. Колени у юноши задрожали, он стал приостанавливаться, а старуха давай его хлестать то прутом, то крапивой по ногам. С непрерывающимся оханьем поднялся он на гору и, наконец, добрал до дома старухи как раз в то время, когда уже готов был упасть.

Когда гуси завидели старуху, они стали взмахивать крыльями и вытягивать вперед шеи, и бежали к ней навстречу с веселым гоготаньем. Позади стада с хворостиной в руках шагала какая-то пожилая и неуклюжая баба, высокая и здоровенная, но безобразная, как ночь.

«Матушка, – обратилась она к старухе, – разве что с вами случилось, что вы так запоздали?» – «Ничуть не бывало, доченька, – возразила ей старуха, – со мною ничего дурного не случилось; напротив, вот этот милый господин взялся даже тащить на себе мою ношу; мало того, когда я устала, он еще и меня взвалил себе на спину. Притом же и дорога ничуть нам не показалась длинной, всю дорогу мы смеялись и шутили».

Наконец, старуха сползла у него со спины, взяла и узел свой, и корзины, посмотрела на него весьма дружелюбно и сказала: «Вот теперь присядьте здесь на скамейку у дверей и отдохните. Вы честно заработали награду за свой труд, и вы ее получите».

Потом обратилась к гусятнице и сказала: «Войди-ка в дом, доченька; неприлично тебе здесь одной оставаться с молодым господином. Не надо масла подливать в огонь... Пожалуй, еще влюбится в тебя».

Граф и сам не знал, что ему делать – плакать или смеяться? «Вот сокровище-то, – подумал он, – да будь она даже и на тридцать лет моложе, она бы не могла тронуть моего сердца». Между тем, старуха ласкала и гладила своих гусей, как милых деток, и затем вошла в дом со своею дочерью; а юноша растянулся на скамье под дикой яблоней.

В воздухе было тепло и приятно; кругом простиралась зеленая широкая лужайка, усеянная синими и желтыми цветами, а посреди лужайки бежал светлый ручей, сверкая на солнце; и белые гуси двигались тут же взад и вперед либо полоскались в воде.

«Тут очень мило, – сказал граф, – но только я так устал, что глаз разомкнуть не могу: дай-ка я посплю немного. Лишь бы только не поднялся ветер и не унес бы мои ноги – они у меня словно ватные...»

Поспав немного, он был разбужен старухой. «Вставай, – сказала она ему, – ты здесь не можешь оставаться. Правда, тебе от меня таки солоно пришлось, но все же ты жив остался... Теперь хочу тебе отдать награду: ведь в деньгах и во всяком добре ты не нуждаешься, так вот тебе нечто иное. – И сунула ему в руку кружечку, целиком вырезанную из изумруда. – Храни это бережно, – добавила она, – в этом твое счастье».

Граф вскочил на ноги, чувствуя себя опять и сильным, и бодрым,

поблагодарил старуху за ее подарок и пустился в путь-дорогу, даже и не подумав оглянуться на дочку старухи.

Уж он порядочный кусок пути прошел, а все еще издали доносился до него веселый крик гусей.

Граф три дня блуждал по этой глуши, прежде чем из нее выбрался. Затем пришел он в большой город, и так как никто его не знал там, то он и был приведен в королевский замок, в зал, где король и королева сидели на троне.

Граф опустился на колени, вынул изумрудный сосуд, подаренный ему старухой, и положил его к ногам королевы. Та приказала ему встать и подать себе эту драгоценную безделушку. Но едва только она открыла этот сосуд и в него заглянула, как упала на землю замертво.

Графа схватили королевские слуги и собирались вести в темницу; но королева открыла глаза и приказала его освободить. «Все выйдите отсюда вон, — сказала она, — я должна с ним переговорить наедине».

Оставшись наедине с графом, королева стала горько плакать и сказала: «Что мне блеск и почести, меня окружающие, когда я каждое утро пробуждаюсь с печалью и заботами! Три было у меня дочери, и младшая из них была так прекрасна, что весь свет почитал ее за чудо. Бела, как снег, румяна, как зорька, и волосы ее блистали, как лучи солнца. Когда она плакала, из глаз ее не слезы капали, а жемчуг выкатывался и драгоценные камни».

Когда ей минуло пятнадцать лет, король призвал всех трех сестер к своему трону. И посмотрели бы вы, как все были поражены, когда вошла моя младшая дочь — словно солнышко на небо выкатилось!

Король же сказал им трем: «Дочери милые! Не знаю я, когда настанет мой последний час, но я хочу сегодня же определить, что каждая из вас должна будет получить по смерти моей. Знаю, что все вы меня любите; но которая из вас более любит — той и достанется лучшая доля. — И потом добавил: — Не можете ли вы мне выразить словами, насколько каждая из вас меня любит? По вашим речам я ознакомлюсь и с тем, что вы думаете».

Тогда старшая сказала: «Люблю отца моего так же, как

сладчайший сахар».

Другая сказала: «Люблю отца, как самое лучшее из моих платьев».

А младшая молчала.

Отец и спросил ее: «Ну, а ты, любимое мое дитяtko, ты как меня любишь?» – «И сама не знаю, – отвечала она, – и даже не могу ни с чем сравнить свою любовь».

Но отец настаивал, чтобы она выразилась определеннее.

Тогда она сказала наконец: «И самое лучшее блюдо мне без соли не вкусно – вот и отца я тоже люблю, как соль!»

Услышав это, король пришел в ярость и сказал: «Если ты любишь меня настолько лишь, насколько любишь соль, так и за любовь твою я награжу тебя одною солью».

И разделил королевство пополам между двумя старшими дочерьми, а младшей приказал навязать на спину мешок с солью, и двое слуг должны были вывести ее в дремучий лес.

Мы все за нее просили и молили, – сказала королева, – но гнев короля нельзя было ничем смягчить. Как она, бедняжка, плакала, когда должна была покинуть дом! Вся дорога ее была усеяна тем жемчугом, который у ней из глаз выкатился.

Вскоре после того король раскаялся в своем жестокосердии, приказал разыскивать свою дочь во всем лесу; но никто не мог ее найти.

Как я подумую, что ее, может быть, растерзали дикие звери, то не знаю, куда деваться от печали; иногда, впрочем, я утешала себя надеждой, что она еще жива и укрылась где-нибудь в пещере или нашла себе приют у сострадательных людей.

Но представьте себе, что, когда я вскрыла ваш изумрудный сосудец, в нем я увидела жемчужину, такую же точно, какие вместо слез падали из глаз моей дочери, и потому вы можете себе вообразить, как сжалось при этом мое сердце! Скажите, как эта жемчужина попала в ваши руки?

Граф рассказал королеве, что сосудец он получил от старухи в лесу, которая показалась ему ведьмой; но младшей королевны ему не приходилось видеть, и ничего о ней он не слышал.

Король и королева решились тогда посетить старуху; они предполагали, что там, где оказалась жемчужина, они должны

будут получить сведения и о своей дочери.

Старуха сидела в своей глуши за прялкой и пряла. Становилось уже темно, и лучина, горевшая у очага, проливала свет очень скупно. Вдруг послышались крики гусей, возвращавшихся с пастбища, и вскоре в избу старухи вошла и ее дочка. Старуха почти не обратила на нее внимания и едва кивнула головой в ее сторону.

Присела дочь на лавку, взяла свою прялку и так проворно стала сучить свою нитку, словно молоденькая девушка. Так сидели мать с дочкою дома, не говоря ни слова.

Наконец, что-то зашуршало за окном, и два огненных глаза глянули в избу. То была старая ночная сова, которая трижды крикнула: «Угу!» – и исчезла. Старуха только повела глазами вверх, потом проговорила: «Пора тебе дочка, выйти... Ступай на свою работу».

Та поднялась и вышла, и пошла по лугам далее и далее в самую долину. Наконец подошла она к колодцу, у которого росли три старых дуба. Между тем месяц поднялся из-за горы, большой и круглый, и было так светло, что иголку на земле сыскать было нетрудно.

Она скинула кожу, прикрывавшую ее лицо, нагнулась к колодцу и стала из него умываться. Умывшись, она и кожу с лица окунула в воду и потом разложила ее на лугу, чтобы она опять могла высохнуть и побелеть при лунном свете.

Но как же она изменилась! Надивиться на нее было невозможно! Как скинула с головы беспорядочную копну накладных волос, пряди ее собственных золотистых волос, блиставших, как солнечные лучи, рассыпались и покрыли ее всю, словно плащом. Только очи ее, что звездочки, мерцали из-под этого покрывала волос, да щеки горели ярким румянцем. Но красавица была печальна. Присела она у колодца и стала плакать: одна слеза за другою выкатывались из глаз ее и среди золотистых прядей падали на землю. Так сидела она и, вероятно, еще долго так просидела бы, если бы не слышала шороха и треска в ветвях ближайшего дерева.

Она вскочила тотчас, как серна, услышав выстрел охотника. Месяц как раз в это время затянуло черным облаком, и в то же

мгновенье красавица снова скользнула в свою старую кожу и исчезла бесследно.

Дрожа, как осиновый лист, побежала она обратно к дому. Старуха стояла на пороге, и когда девушка хотела ей рассказать о случившемся, та только ласково посмеялась и сказала: «Я уже все знаю».

Повела она девушку в избу и вставила новую лучину в светец. Но уже не села за свою самопрялку, а вытащила метлу и стала подметать и убирать. «Все должно быть здесь чисто и опрятно», – сказала старуха девушке. «Но зачем же вы, матушка, вздумали убираться в такое позднее время? – спросила девушка. – Что у вас на уме?» – «А знаешь ли ты, какой час наступает?» – спросила старуха. «Да еще полночи нет; но уже близко...» – «А ты о том не вспомнила, что три года тому назад в этот самый день ты ко мне пришла? Теперь твое время минуло, и ты не можешь долее у меня оставаться».

Девушка перепугалась и сказала: «Ах, милая матушка, неужели вы меня хотите отвергнуть? Куда же я денусь? У меня ни друзей, ни родни; куда я голову приклоню? Я все то исполнила, что вы от меня требовали, и вы всегда были мною довольны, не отвергайте меня».

Старуха не хотела высказать девушке, что ее ожидает, и только проговорила: «Мне тут недолго быть; и как я отсюда уберусь, все в доме должно быть чисто, а потому не удерживай меня в моей работе. А о своей судьбе не заботься: ты найдешь себе кров для житья, и при той награде, которую от меня получишь, ты будешь довольна своей судьбой». – «Да скажите же мне, чего я должна ожидать?» – продолжала допрашивать девушка. «Еще раз говорю тебе; не мешай мне в работе. Ни слова больше! Ступай в свою комнату, сними кожу с лица, надень то шелковое платье, которое было на тебе, как ты ко мне пришла, и жди в своей комнате, пока я тебя не кликну».

Но вернемся к королю и королеве, которые пустились в дорогу вместе с графом, чтобы разыскать старуху в ее далекой глуши.

Граф ночью от них отстал и должен был далее следовать один. На другой день ему показалось, что он попал на настоящую дорогу. Он и пошел далее, и шел до наступления темноты, а как совсем

стемнело, залез на дерево и там задумал переночевать, опасаясь заблудиться в темноте.

Когда взошел месяц, он увидел женскую фигуру, медленно спускавшуюся с горы. Хотя у ней не было хворостины в руках, однако же он легко признал в этой женщине ту гусятницу, которую уже ранее видел у дома старухи.

«Ого! – воскликнул он. – Вон она и сама идет! Ну, коли одна ведьма у меня в руках, так и другая от меня не уйдет!» Но как же он изумился, когда она подошла к колодцу, скинула с себя кожу и стала мыться, когда рассыпались по плечам ее золотистые волосы и она предстала ему такой невиданной красавицей!

Он едва осмеливался переводить дыхание, но все же старался рассмотреть ее из-за листвы дерева как можно лучше. И он сам не знал – потому ли, что он чересчур перегнулся, или по другой причине, но только под ним вдруг хрустнула ветка, и в ту же минуту девушка скользнула в свою кожу, легче серны сорвалась со своего места, и так как в это время месяц заволокло тучами, то мигом скрылась с глаз.

Едва она исчезла, как граф уже спустился с дерева и поспешил ей вслед.

Немного пройдя, он в темноте увидел, что по лугу бредут две другие человеческие фигуры. То были король и королева, они издали увидели, как мерцал огонек в избушке старухи, и шли на этот свет.

Граф рассказал им, какую девушку видел у колодца, и они нимало не сомневались в том, что то была их пропавшая дочь. С радостным чувством пошли они далее и вскоре пришли к избушке: кругом ее сидели гуси рядами, подвернув головы под крылья, и спали, и ни один из них не шевельнулся.

Заглянули они в окошечко и видят: сидит старуха за самопрялкой и Прядет, покачивая головой и не оборачиваясь. Дочери же своей они там не увидели. Наконец, они решились тихонько постучаться в окошечко. Старуха как будто их поджидала; встала со своего места и весьма приветливо крикнула: «Входите, входите, я уж о вас знаю».

Когда они вошли в комнату, старуха сказала: «Вы бы могли себя избавить от дальнего пути, кабы три года тому назад не

прогнали из дома свое дитя, доброе и любящее. Ей никакого зла не приключилось: ей пришлось только три года сряду гусей пасти; ничему дурному она за это время не научилась и сохранила свое сердце в чистоте. А вы сами уже достаточно наказаны тем страхом за ваше детище, который вы пережили».

Потом она подошла к двери смежной комнаты и крикнула: «Выходи, доченька!»

Дверь отворилась, и королева вышла оттуда в своей шелковой одежде, с рассыпанными по плечам золотистыми волосами и ясными очами – словно ангел слетел с неба. Она подошла к отцу и матери, бросилась им на шею и поцеловала их, и все расплакались от радости. Молодой граф стоял с ними рядом, и когда королева его увидела, то, сама не зная почему, зарделась, как роза.

Король сказал дочери: «Милое дитя мое, свое королевство я разделил; что могу я тебе дать?» – «Ей ничего не нужно, – сказала старуха, – я даю ей те слезы, которые она из-за вас выплакала – чистый жемчуг, даже еще лучше того, что в море находят! На этот жемчуг все ваше королевство купить можно! А в награду за ее службу я дарю ей мой домишко!»

Сказав это, старуха исчезла, а в стенах раздался треск, и когда король с королевой и с графом оглянулись, то увидели, что избушка успела превратиться в великолепный дворец, в котором слуги, суетясь и бегая, накрывали и готовили королевское пиршество...

Сказка на том не кончается; но у моей бабушки, которая мне ту сказку рассказывала, память слабеет стала, она все остальное и забыла.

Я все же думаю, что прекрасная королева вышла замуж за графа, что они вместе остались в замке и жили в полном счастье, пока Богу было угодно.

Были ли те белоснежные гуси, что паслись у домика, девушками (это я говорю никому не в обиду!), которых старуха к себе приняла, и получили ли они вновь свой человеческий образ, остались ли у молодой королевы в служанках – того доподлинно я не знаю, однако же так предполагаю.

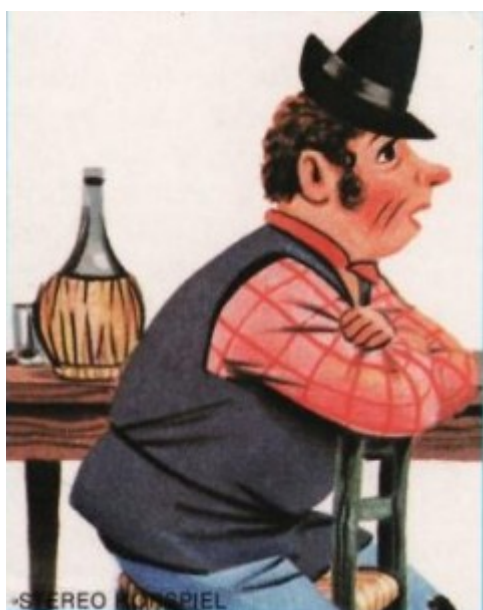
Несомненно только то, что старуха была не ведьма, как думали

люди, а ведунья. И наверно, она уже при рождении даровала королевне способность ронять из глаз не слезы, а жемчужины. Нынче этого не бывает, а то бедные скорехонько разбогатели бы.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **3,00** из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Мастер Пфрим

Был мастер Пфрим человек маленький, худощавый, но бойкий, и не имел он ни минуты покоя. Его лицо, на котором торчал один только вздернутый нос, было рябое и мертвенно бледное, волосы седые и взъерошенные, глаза маленькие, они бегали у него беспрестанно по сторонам. Все он замечал, все всегда ругал, все знал лучше всех и во всем всегда был прав. Если он шел по улице, то всегда сильно размахивал руками, так что выбил раз у девушки ведро, в котором та несла воду, и оно взлетело высоко на воздух, и при этом он был облит водой.

– Эх ты, голова баранья! – крикнул он ей, отряхиваясь. – Разве ты не видела, что я иду сзади тебя?

Он занимался сапожным ремеслом, и когда он работал, то так сильно выдергивал дратву, что попадал обычно кулаком в того, кто сидел с ним рядом. Ни один из подмастерьев не оставался у него больше месяца, оттого что он всегда придирался даже к самой лучшей работе и всегда находил, что сделано что-нибудь не так: то швы были недостаточно ровные, то один ботинок был длинней другого, то каблук выше, чем на другом ботинке, то кожа была отделана недостаточно хорошо.

– Постой, – говаривал он ученику, – я уж тебе покажу, как делать кожу мягче, – и при этом он брал ремень и бил ученика по спине. Лентяями он называл всех. А сам работал не так уж и много, – ведь и четверти часа не сидел он спокойно на месте. Когда жена его вставала рано утром и растапливала печь, он вскакивал с постели и бежал босиком на кухню.

– Ты это что, собираешься мне дом поджечь? – кричал он. – Такой огонь развела, что на нем можно целого быка изжарить! Разве дрова нам даром достаются?

Когда работницы стоят, бывало, у корыта, смеются и разговаривают между собой о том да о сем, он вечно начинал их бранить:

– Ишь стоят, точно гусыни, да гогочут и за болтовней забывают о своей работе! И зачем взяли новое мыло? Безобразное расточительство да к тому же позорная лень! Руки свои хотите сберечь, а белье стираете не так, как следует.

Затем он выбегал, опрокидывал при этом ведро с щелоком, и вся кухня была залита водой. Если строили новый дом, он подбегал к окошку и обычно смотрел на работу.

– Вот опять кладут красный песчаник! – кричал он. – Он никогда не просохнет; в таком доме все непременно переболеют. И посмотрите, как подмастерья плохо укладывают камень. Да и

известка тоже никуда не годится: надо класть мягкий щебень, а не песок. Вот увидите, непременно этот дом рухнет людям на голову.

Затем он усаживался и делал несколько швов, но вскоре вскакивал опять, вешал свой кожаный передник и кричал:

– Надо пойти да усовестить этих людей! – Но он попадал к плотникам. – Что это такое? – кричал он. – Да разве вы тешете по шнуру? Что, думаете, стропила будут стоять ровно? Ведь все они вылетят когда-нибудь из пазов.

И он вырывал у плотника из рук топор, желая показать, как надо тесать, но как раз в это время подъезжала нагруженная глиной телега; он бросал топор и подбегал к крестьянину, который шел за телегой.

– Ты не в своем уме, – кричал мастер Пфрим, – кто ж запрягает молодых лошадей в такую тяжелую телегу? Да ведь бедные животные могут тут же на месте околеть.

Крестьянин ему ничего не отвечал, и Пфрим с досады убежал обратно в свою мастерскую. Только собирался он сесть снова за работу, а в это время ученик подавал ему ботинок.

– Что это опять такое? – кричал он на него. – Разве я тебе не говорил, что ботинок не следует так узко закраивать? Да кто ж купит такой ботинок? В нем осталась почти одна лишь подметка. Я требую, чтобы мои указания исполнялись беспрекословно.

– Хозяин, – отвечал ученик, – вы совершенно правы, ботинок никуда не годится, но это же ведь тот самый ботинок, который выкроили вы и сами же начали шить. Когда вы вышли, вы сами сбросили его со столика, а я его только поднял. Вам сам ангел с неба, и тот никогда не угодит.

Приснилось ночью мастеру Пфриму, будто он умер и подымается прямо на небо. Вот он туда явился и сильно постучал во врата.

– Меня удивляет, – сказал он, – что на вратах нет кольца, ведь

так можно и все руки себе разбить.

Открыл врата апостол Петр, желая посмотреть, кто это так неистово требует, чтоб его впустили.

– Ах, это вы, мастер Пфрим, – сказал он, – вас я впущу, но предупреждаю, чтобы вы оставили свою привычку и ничего бы не ругали, что увидите на небе, а то вам плохо придется.

– Свои поучения вы могли бы оставить и при себе, – возразил ему мастер Пфрим, – я отлично знаю, что и как подобает. Я думаю – здесь всё, слава богу, в порядке, и нет ничего такого, что можно было бы порицать, как делал я это на земле.

И вот он вошел и стал расхаживать по обширным небесным просторам. Огляделся он по сторонам, покачал головой, и что-то проворчал про себя. Увидел он двух ангелов, которые тащили бревно. Это было то самое бревно, которое было в глазу у одного человека, который нашел сучок в глазу у другого. Но ангелы несли бревно не вдоль, а поперек.

«Видана ли подобная бестолочь! – подумал мастер Пфрим, но вдруг умолк и будто согласился. – Да по сути все равно как нести бревно, прямо или поперек, лишь бы не зацепиться; я вижу, что они делают это осторожно.» Вскоре увидел он двух ангелов, набиравших из колодца воду в бочку, и тотчас заметил, что в бочке немало дыр и что вода со всех сторон из нее проливается. Это они землю дождем поливали. «Черт возьми!» – вырвалось у него, но, по счастью, он опомнился и подумал: «Должно быть, это они делают, чтобы время провести; ну, раз это их забавляет, то, пожалуй, пусть себе занимаются таким бесполезным делом. Здесь, правда, на небе, как я заметил, только и делают, что лентяйничают.» Пошел он дальше и увидел воз, что застрял в глубокой канаве.

– Это и не удивительно, – сказал он вознице, – кто ж так бестолково воз нагружает? Что это у вас такое?

– Добрые намерения, – ответил возница, – да вот никак не могу

выехать с ними на правильную дорогу; я еще счастливо вытащил воз, здесь-то мне уж придут на помощь.

И вправду вскоре явился ангел и впряг в воз пару лошадей. «Это хорошо, – подумал Пфрим, – но ведь парой-то лошадей воза не вытащить, надо бы по крайней мере взять четверик.» И явился другой ангел, привел еще пару лошадей, но впряг их не спереди, а сзади воза. Тут уж мастер Пфрим выдержать никак не мог.

– Эй ты, олух, – вырвалось у него, – да что ты делаешь? Виданное ли дело, чтобы так лошадей запрягали? В своем глупом чванстве они думают, что все знают лучше других.

Хотелось ему еще что-то добавить, но в это время один из небожителей схватил его за шиворот и выбросил с невероятной силой с неба. Уже у врат повернул голову мастер Пфрим в сторону воза, видит – а четверик крылатых коней поднял его на воздух.

В эту самую минуту мастер Пфрим и проснулся. «А на небе-то все по-иному, чем у нас на земле, – сказал он про себя, – кое-что, конечно, можно им простить, но хватит ли у кого терпенья смотреть, как запрягают лошадей и сзади и спереди? Правда, у них есть крылья, но кто ж об этом мог знать? А все же порядочная глупость приделывать крылья лошадям, у которых есть свои четыре ноги, чтобы бегать. Но пора, однако, вставать, а то, чего доброго, наделают мне беды в доме. Счастье еще, что умер я не на самом деле!»

(Голосов: **1**. Рейтинг: **3,00** из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм.

Предвестники Смерти

Давно, давно это было – вышел великан на большую дорогу, и вдруг навстречу ему выскочил неведомый ему человек и крикнул: «Стой! Ни шагу далее!» – «Что?! – проговорил великан. – Ты, ничтожество, которое я могу расплющить между пальцами, и ты вздумал мне загородить дорогу? Кто ты, что смеешь так дерзко говорить со мною?» – «Я – Вестник Смерти, – отвечал незнакомец, – никто не смеет мне противиться, и ты тоже должен повиноваться моим велениям».

Но великан не захотел повиноваться и вступил в борьбу с Вестником Смерти.

То была долгая и страшная борьба, в которой наконец великан одолел и кулачищем своим нанес такой страшный удар своему врагу, что тот пал наземь около камня.

Великан пошел своей дорогой, а Вестник Смерти, пораженный им, все еще лежал и до того был обессилен, что даже не мог и приподняться с земли. «Что же из этого может выйти? – спрашивал он самого себя. – Коли я тут буду лежать в углу, никто на свете умирать не станет, и он так переполнится людьми, что им, наконец, негде и стоять будет».

Тем временем по той же дороге шел молодой человек, здоровый и свежий, весело напевал песню и посматривал по сторонам. Когда он увидел незнакомца, лежавшего почти без чувств, он сострадательно подошел к нему, поднял его, влил в его уста подкрепляющего напитка из своей фляжки и обогрел, пока к тому снова не возвратились силы,

«А знаешь ли ты, – сказал незнакомец, поднимаясь на ноги, – кто я таков, кому ты помог подняться?» – «Нет, – отвечал юноша, – я тебя не знаю». – «Я – Вестник Смерти! – сказал незнакомец. – Никого я не щажу и для тебя также не могу сделать исключения. Но, чтобы изъявить тебе благодарность, обещаю тебе, что я не внезапно нападу на тебя, а сначала еще пошлю к тебе моих предвестников, а потом уж сам к тебе приду и

похищу тебя». – «Ну, что же? – сказал юноша. – И на том спасибо; по крайней мере, буду знать, когда ты ко мне придешь, и до тех пор буду считать себя обеспеченным...»

Затем он пошел своей дорогой, был весел и доволен и жил одним днем.

Однако же юности и здоровья не надолго хватило; вскоре явились болезни и страдания, которые и днем его мучили, и ночью не давали покоя.

«Умереть-то я не умру, – говорил он сам себе в утешение, – ведь Вестник Смерти сказал мне, что пошлет вперед своих предвестников, вот только бы отделаться от этих несносных недугов!»

И как только чувствовал себя здоровым, тотчас снова начинал жить в радости.

И вот однажды кто-то похлопал его по плечу: обертывается он и видит – Вестник Смерти...

Тот говорит ему: «Следуй за мною – настал твой час разлуки с миром». – «Как? – отвечал ему человек. – Да разве же ты хочешь не выполнить своего слова? Не ты ли обещал мне прежде своего прихода прислать своих предвестников? А между тем ко мне никто не приходил». – «Замолчи! – сказал ему Вестник Смерти. – Разве я не посылал тебе одного предвестника за другим? Разве не приходила к тебе лихорадка, не потрясала тебя, не сшибала с ног? Разве головокружение не туманило тебе разум? Разве ломота не сводила тебе все члены? Или ты не замечал шума в ушах? Или не чувствовал боли в зубах и деснах? Разве не темнело у тебя в глазах? Разве же, наконец, сладостный сон, мой милый брат, не напоминал тебе каждый вечер обо мне? Разве, погружившись в сон, ты не лежал уже, как мертвый?..»

Человек не знал, что возразить, отдался на волю своей судьбы и последовал за Вестником Смерти.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **3,00** из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Время жизни (Срок жизни)

Всевышний Господь, создавая мир и всех тварей, задумал всем им определить время жизни. Тут пришел к нему осел и спросил: «Повелитель, как долго должен я жить?» – «Тридцать лет, – отвечал ему Господь, – довольно ли с тебя?» – «Ах, это слишком много, – возразил осел, – сам вообрази мое тягостное существование: с утра до ночи таскать тяжкие ноши, кули с зерном возить на своем хребте на мельницу, чтобы другим доставить муку для хлеба... А поощрение какое? Одни удары да пинки! Нет, уж ты поуменьши мне срок жизни!» Сжалился над ним Господь и сократил его жизнь до восемнадцати лет.

Осел ушел от него утешенный, а на его место явилась собака. «Как долго хочешь ты жить на свете? – спросил собаку Бог. – Вот ослу показался тридцатилетний срок слишком большим, а тебе довольно ли этого будет?» – «Воля твоя. Господи, – отвечала собака, – но сообрази – сколько я должна бегать? Пожалуй, ноги мои так долго и не выдержат; а если при этом я еще и лаять перестану, и зубы у меня выпадут, тогда придется мне только без пользы слоняться из угла в угол да ворчать».

Бог признал, что собака права, и оставил ей всего двенадцать лет жизни. Затем явилась обезьяна. «Ну, ты уж, верно, пожелаешь жить тридцать лет на свете? – сказал Бог обезьяне. – Работать тебе не нужно, как осел и собака работают, тебе всегда привольно». – «Это только со стороны так кажется, – сказала обезьяна, – а на самом деле все иначе. У меня тоже бывает, что к киселю ложки не хватает! Ведь я же все должна выкидывать разные веселые штуки, рожи корчить, чтобы смешить людей, а как дадут они мне яблоко, смотришь: оно оказывается кислым. Как часто за шуткою скрывается грусть! Нет, тридцать лет жизни мне не вынести!» Бог смиловался и даровал ей только

десять лет.

Наконец, явился и человек, здоровый, веселый, свежий, и просил определить ему время жизни. «Вот тебе тридцать лет, – сказал Господь, – довольно ли тебе?» – «Слишком мало! – воскликнул человек. – Чуть только я обзаведусь домом, чуть только запылает огонь в моем очаге, чуть только зацветут и станут приносить плоды посаженные мною деревья, жить бы мне да радоваться! А тут и умирать изволь! Нет, милосердный Боже, продли мой краткий век!» – «Ну, хорошо. Я приложу к нему восемнадцать лет осла», – сказал Бог. «Мало мне!» – возразил человек. «Ну, еще двенадцать лет собачьего века». – «И все-таки мало!» – «Ну, ладно же! Накину тебе еще десять лет обезьяньего века, больше и не проси!» Человек ушел все же очень недовольный.

С той поры человек живет семьдесят лет.

Первые тридцать лет – цветущие годы – проходят быстро. Тогда он и здоров, и весел, и работает охотно, и наслаждается жизнью. Затем следуют восемнадцать лет ослиного века: тяжести наваливаются на плечи: он таскает на себе мешки с зерном для других, а пинки и удары нередко служат ему вознаграждением. Затем наступают двенадцать лет собачьего века, когда и он слоняется по углам, ворчит и, не имея зубов, не может никого укусить. А как минут и эти годы, десятилетний обезьяний век заканчивает его жизнь: человек становится слабоумным и глуповатым, занимается пустяками и является посмешищем даже для детей.

(Голосов: 1. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Луна

Давным-давно тому назад была такая земля, где ночь всегда была темной и небо было точно черным покровом укрыто, – а все оттого, что там никогда не всходила луна и не сияла в темноте ни одна звезда. В начале сотворения мира достаточно было и одного ночника. И вот отправились однажды из той стороны четверо парней странствовать. Пришли они в другое государство, а там вечером, только солнце скроется за горами, всходит на дубе светящийся круг и льет повсюду свой мягкий свет. И при свете том можно все хорошо видеть и различать, хотя свет и не такой яркий, как у солнца.

Остановились странники и спрашивают у проезжего крестьянина, что это за свет.

– Да это луна! – ответил он им. – Наш сельский староста купил ее за три талера и привязал к дубу. Надо в нее каждый день подливать масла и держать ее в чистоте и порядке, чтоб она всегда светила ярко. За это получает он с нас каждую неделю по талеру.

Поехал крестьянин дальше, а один из парней и говорит:

– Эту масляную лампу мы могли бы пустить в дело: ведь дома у нас есть дуб, такой же большой, как и этот, и мы могли бы ее повесить на нем. Вот была бы радость, если бы нам не приходилось бродить в потемках!

– Знаете что? – сказал второй. – Давайте-ка достанем повозку и лошадей и увезем отсюда луну. А они тут купят себе другую.

– Я умею хорошо лазить, – сказал третий, – я уж ее достану!

Четвертый привел повозку и лошадей, а третий взобрался на дерево, проделал в луне дырку, просунул в нее веревку и спустил ее вниз. Когда сияющий шар лежал уже на повозке, они накрыли его рядом, чтоб никто не заметил покражи. Они благополучно привезли луну к себе на родину и повесили на

высоком дубу. Старые и малые – все радовались, когда новая лампа стала освещать кругом все поля и светила в горницы. Вышли карлики из горных пещер, а маленькие домовые в своих красных кафтанчиках стали вести на лугах хоровод.

Четверо парней заботились о том, чтоб было в луне масла достаточно, поправляли фитиль и получали за это каждую неделю талер.

Но вот, наконец, сделались они уже дряхлыми стариками, и когда один из них заболел и увидел, что смерть уже близка, он распорядился, чтобы четвертую часть луны, как принадлежащую ему собственность, положили с ним вместе в гроб. Когда он помер, сельский староста взобрался на дерево и отрезал садовыми ножницами четверть луны и положил ее в гроб. И стало лунного света меньше, но это было еле заметно. Когда умер второй, положили ему в гроб вторую четверть, и света стало еще меньше. Но еще слабее он стал после смерти третьего, который взял тоже свою часть, а умер четвертый – и наступила опять прежняя темень. Выйдут люди вечером без фонаря и натыкаются друг на друга лбами.

Когда части луны в преисподней опять соединились, то там, где прежде была всегда темнота, стало светлей, и мертвые зашевелились и очнулись от сна. Они удивились, что могут снова видеть; лунного света было для них достаточно, ведь глаза у них ослабели, и они не могли переносить яркого солнца. Они поднялись, повеселели и стали опять жить по-прежнему. Одни из них начали играть и плясать, а другие бросились по харчевням, стали требовать себе вина и напились допьяна; начали меж собой ссориться и браниться и пустили в ход свои дубинки, и все передрались. Шум становился все сильней и сильней и дошел, наконец, до самого неба.

Святой Петр, стоявший на страже у небесных врат, подумал, что преисподняя подняла восстание, и он призвал тогда небесные силы, которые должны были прогнать злого врага, в случае если он напал бы на обиталище праведников. Но враг не явился, и сел тогда святой Петр на своего коня и направился через небесные врата в преисподнюю. Там успокоил он мертвецов, велел им лечь снова в свои гробы и взял с собой луну и повесил ее высоко-

высоко на небе.

(Голосов: 1. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Сова

Назад тому лет двести, а может быть, и побольше, когда люди еще далеко не были настолько умны и плутоваты, как теперь, случилось в небольшом городке диковинное происшествие.

Одна из очень больших сов залетела ночью из соседнего леса в житницу одного из горожан и на рассвете не решалась выйти из своего укромного уголка из опасения, что при вылете ее, как и всегда, птицы поднимут страшный крик.

Когда поутру слуга заглянул в житницу, чтобы достать из нее соломы, он так перепугался, увидев в углу сову, что тотчас выбежал, бросился к хозяину и возвестил ему: «В житнице сидит чудовище, какого я в жизнь свою не видал, – глазами ворочает и каждого живьем проглотить готово». – «Знаю я тебя, – сказал ему хозяин, – за черным дроздом в поле гоняться – на это ты мастер; а к дохлой собаке без палки не подойдешь. Сам пойду посмотрю, что ты там за чудовище открыл», – и храбро пошел в житницу и стал кругом озираться.

Но, увидев диковинную и некрасивую птицу своими собственными глазами, и он тоже перепугался не меньше, чем его слуга.

В два прыжка очутился он у соседей и стал их умильно просить, чтобы они оказали ему, помощь против невиданного и опасного зверя; а не то оно, мол, как вырвется из его житницы да накинется на город, так городу грозит великая опасность.

Поднялся шум и крик по всем улицам; горожане собрались с вилами, косами и топорами, словно навстречу врагу; явились и ратманы с бургомистром во главе. Построившись на площади

рядами, они двинулись к житнице и окружили ее со всех сторон. И выступил из рядов самый мужественный из всех горожан, и с копьем наперевес вступил было в житницу...

Но тотчас же выскочил из нее, бледный как смерть, закричал – и слова выговорить не мог.

Еще двое пытались туда войти, но и тем не повезло. Наконец, выступил вперед высокий здоровый мужчина, который был известен своими военными подвигами, и сказал: «Вы не выгоните оттуда чудовища одним взглядом; тут надо взяться за дело толком, а вы все, как я вижу, оробели и сунуться поближе не смеете».

Он приказал принести себе латы и шлем, меч и копье и вооружился, как следует.

Все похваляли его необыкновенное мужество, хотя многие и опасались за его жизнь.

Но вот две створки ворот житницы были широко открыты, и все увидели сову, которая тем временем уселась на одной из поперечных балок.

Воин приказал принести лестницу, и когда он на нее занес ногу, собираясь лезть вверх, то все стали кричать ему: «Смелее! Смелее!» – и призывали на помощь ему Святого Георгия, который убил дракона.

Когда же он поднялся по лестнице и сова увидела, что он до нее добирается, да к тому же и криком была перепугана и не знала куда деваться, она повела глазами, взъерошила перья, захлопала крыльями, защелкала клювом и глухим голосом взвыла: «Шуху! Шуху!»

«Вперед! Вперед!» – кричала с надворья толпа, ободряя храброго воина.

«Кто на моем месте был бы, тот не очень бы крикнул: вперед!» – отвечал им воин.

Однако же и еще поднялся на одну ступеньку, но задрожал и почти без сознания спустился наземь.

И вот, наконец, никого не осталось, кто бы решился подвергнуть себя страшной опасности. «Чудовище, – так говорили все, – одним своим дыханьем отравило и нанесло смертельную рану храбрейшему из нас, неужели же мы, остальные, дерзнем тут ставить свою жизнь на карту?»

Стали совещаться, что им делать, чтобы не погубить весь народ. Долгое время совещание не приводило ни к чему, пока, наконец, бургомистру не пришла превосходная мысль. «По-моему, – сказал он, – нам следует из общей складчины откупить у хозяина эту житницу со всем, что в ней хранится – с зерном, с сеном и соломой, и, обеспечив его от убытков, сжечь эту житницу дотла! Тогда, по крайней мере, не надо никому свою жизнь подвергать опасности. Тут уж нечего и рассуждать, и скупость в данном случае была бы неуместна».

Все согласились с ним.

И вот житницу зажгли с четырех углов, и с нею вместе сгорела и сова.

Не веришь?

Сам туда сходи да хорошенько выпроси.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **3,00** из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Выпь и удо́д

«Где вы наших коров пасете?» – спросил кто-то старого пастуха. «А вот здесь, сударь, где травы не очень обильны и не очень тощи; потому что и те и другие не полезны для коров». – «Почему же так?» – «А вот извольте прислушаться, – отвечал пастух, – это ведь на лугу выпь кричит таким густым басом... Тоже ведь в пастухах была, и удо́д тоже. Я вот сейчас расскажу, как они пасли.

Выпь для своих стад выбирала всегда самые тучные зеленые луга, где цветов изобилие; вот ее коровы от той травы всегда были бодры и в теле, да уж очень дики.

А удо́д пас свое стадо по высоким, сухим горным откосам, где

ветер песок крутит, а коровенки его бывали худы и никак не могли сил набраться.

Бывало, вечером выпь своих коров собрать не может, все так врозь и разбегаются. Бывало, кричит до хрипоты: «В путь пойдем! В путь пойдем!» – а они все ее голоса не слушают!

А удода, напротив, коров своих еле на ноги поднять может: так они истощены и бессильны. «Подь, подь, подь!» – кричит бедняга, из сил выбивается, а коровы его все лежат на песочке. Вот так-то и всегда бывает с теми, кто меры не знает!

Ведь вот и теперь – ни удода, ни выпь стад не пасут, а все еще выпь кричит по-прежнему хриплым басом: «В путь пойдем!» – а удода все надсаживается, выкрикивая: «Подь, подь, подь!»

(Голосов: **1**. Рейтинг: **3,00** из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Камбала

Давно уж рыбы были недовольны, что в царстве их порядка нет. Никто не обращался к другому за советом, плыл, куда вздумается, пересекал путь тем, которые желали не разлучаться, либо загораживал им дорогу, и сильный нередко наносил слабому такой удар хвостом, что того далеко откидывало в сторону, а то и проглатывал его без всяких околичностей.

«Как бы хорошо это было, – говорили между собою рыбы, – кабы у нас был король, который бы у нас судил суды правые», – и порешили выбрать себе в повелители того, кто быстрее всех рассекает волны и потому может всегда оказать слабому помощь.

И вот они вытянулись в ряд у берега, и щука хвостом подала всем знак, по которому все пустились плыть. Стрелюю мчалась вперед всех щука, а с нею селедка, пескарь, окунь, карп и другие многие. Плыла и камбала, тоже думала, что достигнет

цели.

Вдруг раздался общий крик: «Селедка всех обогнала!» – «Кто обогнал? – с досадою воскликнула плоская и тяжеловесная камбала, далеко отставшая от всех. – Кто, кто обогнал?» – «Селедка», – отвечали ей. «Ничтожная, голая селедка!? – воскликнула завистливая камбала. – Голая селедка?!»

С той пор в наказание у завистливой камбалы и рот на сторону.

(Голосов: 1. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Королёк

Во времена былые в каждом звуке был свой смысл и значение. В те времена и у птиц был собственный язык, для всех понятный, а теперь мы слышим только чириканье, карканье да присвистыванье, и только у немногих – что-то вроде музыки без слов.

И вот пришло однажды птицам в голову, что им не следует долее жить без господина и повелителя, и потому они решились одного из своей среды избрать себе в короли.

Только одна из птиц, пигалица, воспротивилась: свободною жила она и свободною хотела умереть; она удалилась в глухие и никем не посещаемые болота и более уже не показывалась среди пернатых.

Захотелось птицам о своем общем деле посоветоваться, и вот в одно прекрасное майское утро слетелись они с полей и лесов на совещание: орлы и зяблики, совы и вороны, жаворонки и воробьи – да разве их всех перечислить? Даже и сама кукушка изволила пожаловать, и даже предвестник ее, угод, который всегда бывает слышен дня за два раньше кукушки; между прочим, к общей стае примешалась и еще маленькая птичка, у которой имени не было.

Курица, которая случайно ничего об этом общем деле не слыхала,

подивилась такому большому собранию. «Как, как, как, – закудаhtала она, – что-то не так!» Но петух успокоил свою милую подругу и рассказал ей, для чего они собрались.

И вот решено было на собрании, что королем должна быть та из птиц, которой всех выше может взлететь.

Древесная лягушка, засевшая где-то в кустах, услышав это, как бы в предупреждение, заквакала: «Нет, нет, нет, нет!» А ворон выразил одобрение важным и звонким карканьем.

И вот было решено, что все в это же самое прекрасное майское утро должны взлететь ввысь, чтобы никто потом не смел сказать: «Я бы еще выше мог подняться, да тут вечер наступил – и я не успел».

Итак, по одному знаку вся стая взвилась вверх. Пыль столбом поднялась вслед за нею в поле; раздался сильнейший шум и шелест, и свист крыльев, и издали казалось, что с поля поднялась черная туча. Но маленькие птички вскоре поотстали, не могли лететь далее и пали на землю. Те, кто побольше, дольше могли выдержать, но никто не мог сравниться с орлом, который поднялся так высоко, что самому солнцу глаза мог повывлевать. И когда он увидел, что никто из птиц не мог подняться до него, то и подумал: «Зачем мне лететь еще выше, я и так буду королем», – и стал спускаться.

Все птицы, ниже его летевшие, крикнули ему: «Ты должен быть нашим королем – ведь никто не взлетел выше тебя!» – «Кроме меня!» – крикнула маленькая безымянная птичка, которая забила в грудные перья орла; и так как она несколько не была утомлена, то стала подниматься так высоко, что, пожалуй, на седьмое небо могла бы заглянуть.

Залетев на такую высоту, она сложила крылья, стремглав спустилась вниз и тоненьким звонким голосом своим крикнула: «Я королек! Я королек!» – «Ты – наш король? – закричали все птицы в гневе. – Ты только хитростью и лукавством добилась того, что взлетела так высоко!»

И вот поставили другое условие: тот будет королем, кто глубже всех сумеет опуститься в недра земли. Как все засуетились! Широкогрудый гусь поспешно выбрался на берег; петух торопливо стал рыть в земле ямочку; даже утка, и та попыталась сползти в

какой-то ров, да ноги себе повредила и заковыляла поскорее к соседнему пруду.

А безымянная птичка выискала себе маленькую норку, забралась в нее и опять своим тоненьким голоском стала кричать оттуда: «Я королек! Я королек!»

«Ты наш король? – вскричали птицы еще более гневно. – Неужели же ты думаешь, что добьешься этого своими хитростями!» И вот они решили задержать ее в той норе и, не выпуская, заморить голодом.

Сова была посажена у норы сторожем, она должна была не выпускать оттуда плутоватую птицу под страхом смерти.

Когда же за вечерело, то птицы, много летавшие, очень устали и отправились семьями на покой. Одна только сова осталась у норки и все смотрела внутрь ее своими большими круглыми глазами.

Вот наконец и она утомилась и подумала: «Один-то глаз уж, конечно, мне можно закрыть; довольно и другого, чтобы уследить за маленьким злодеем!» И закрыла сова один глаз, и упорно смотрела другим в ту же нору.

Птичка хотела было выйти оттуда и уж голову высунула, но сова ей тотчас же загородила дорогу, и головка опять спряталась. А сова опять один глаз открыла, а другой закрыла и думала так провести всю ночь.

Но как-то раз, закрывая другой глаз, она позабыла открыть тот, что был закрыт, а как закрылись оба глаза, она и заснула. Маленькая птичка заметила это и тотчас выскользнула из норы. С той поры сова не смеет птицам и на глаза показаться среди бела дня, а не то все птицы сейчас налетают на нее и начинают ее клевать. Летает она только по ночам и ненавидит мышей, которые роют в земле такие гадкие норы.

И та маленькая птичка тоже не особенно охотно показывается, опасаясь того, что птицы ее изловят и что ей от них достанется. Она больше держится по изгородям, и когда видит себя в полной безопасности, тогда решается крикнуть: «Я королек!» Так ее в шутку корольком и прозвали.

Но никто так не был доволен, что не подчинился корольку, как жаворонок. Чуть только солнышко покажется, он уже начинает

кругами взлетать вверх и все поет, все поет: «Какая радость! Какая сладость!» – пока серебристый голосок его не замрет в вышине.

(Голосов: 1. Рейтинг: 3,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Радость и горе пополам (Любовь и горе поровну)

Жил да был портной, человек привередливый, и жена его, добрая старательная и скромная женщина, никак не могла на него угодить. Что бы она ни делала, он всем был недоволен, ворчал, ругался, щипал и бил ее.

Прослышало, наконец, об этом начальство и засадило его в тюрьму, чтобы научить уму-разуму.

Продержали его сколько-то времени на хлебе и воде, потом отпустили; однако же он должен был дать подписку, что не будет больше жену бить, а напротив – мирно с ней жить, и горе и радость с ней делить, как надлежит хорошим супругам.

Некоторое время все шло ладно, а затем он опять принялся за прежнее – стал ворчать и придираться.

А так как он не смел ее бить, то он захотел ее однажды за волосы схватить и дернуть.

Жена от него ускользнула и выскочила во двор, а он-то за ней стал гоняться с аршином и ножницами и то ножницами, то аршином в нее бросать, то всем, что под руку попадет. Как попадет в жену, так и хохочет, а не попадет, шумит и бушует.

И так продолжал он действовать до тех пор, пока соседи не пришли его жене на помощь, –

Опять призван был портной к начальству, опять напомнило ему начальство о его обещании. «Милостивые государи мои, – отвечал портной, – я сдержал обещание мое: я жены не бил и делил с нею радость и горе». – «Как же это так? – спросил судья. – Недаром же она на вас так жалуется?» – «Я ее вовсе не бил, а так только, хотел ей немного волосы поправить, да она у меня выскользнула и меня покинула. Вот я за ней и погнался, и, чтобы возвратить ее к исполнению обязанностей, я ей в виде напоминания только стал бросать вслед все, что попадалось под руку. И даже скажу, что при этом и радость, и горе с нею делил: каждый раз, как попаду в нее, это моя радость, а ей горе; а каждый раз, как дам промах, это ей радость, а мне горе!»

Но судьи этим ответом не удовлетворились и приказали надлежащим образом наградить портного за его дела.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **3,00** из 5)

Загрузка...